

Валерий ТУРОВСКИЙ, «Известия»

Он сначала прекрасно чувствовал телекамеру и зал. Он счастлив, что отражается во всех объективах и на него устремлены все взгляды. И он знает, что ему можно — все. Все, что он ни скажет, какую изысканную позу он ни примет — будет значительно, весомо. Он уверен в этом.

И как же ему не быть в этом уверенным, если, заломив женственно руки и поправив модную прическу, он без страха и упрека бросает в зал: «Да здравствует любовь! Да здравствует Советский Союз!» И зрители хоть и не бурно, но редкими аплодисментами поддерживают его.

Он, бесспорно, обладает какой-то магией, если бесстрашно признается в вещах, которых бы истинно интеллигентный человек устыдился. А ему все сходит, для него все — норма. С гордостью говорит он о том, что раньше его окружение составляли Леонид Губанов и Венедикт Ерофеев. И это для него хорошо, и это славно. И с такой же гордостью оповещает он население, что теперь его окружение — это Виктор Алкснис и Виктор Анпилов. И понять, где он настоящий, а где он деланный, кажется, не представляется возможным.

По интонации, по блеску глаз чувствуется, как Лимонову одинаково важно все, что происходит и происходит в его извилистой жизни. Выслали из стра-

ны, лишив советского паспорта, — предмет особой гордости. Вернули в страну, вручив советский паспорт, — предмет еще более особой гордости.

Всем своим видом, томным своим голосом он дает знать, сколь он себе интересен. При нестройной поддержке зала, не-

и наигранная самоуверенность становится оборотной стороной медали неуверенности, слабости и размагниченности.

Казалось бы, писатель, так мастерски владеющий пером и словом, мог бы и покладнее рассказать о себе, о литературе, о жизни, мог бы даже на самые неинтересные вопросы дать интересные ответы.

В том-то и дело, что уже, к несчастью, не может. Привыч-

человека, от которого можно ждать всего? И вряд ли его самого радуют сейчас шум и ярость, которые он вызывает. Иначе откуда бы взялась этой тоске во взоре и этой неуверенности, которой никогда не знал?

Лимонов попытался сыграть на своем телевизионном бенефисе роль баловня судьбы и оглушительно в этой роли прова-

происходит в душе писателя Лимонова, — право имею.

Внутренний разлад, внутренний слом, внутренний надрыв — это сегодняшнее свое душевное состояние ему скрыть не удалось. Как и не удалось сымитировать бодрое состояние духа. Да и откуда взяться бодрому состоянию духа, если его — человека, бесспорно, талантливо — наверняка одолевают страхи за свое писательское буду-

И это естественно, потому что нельзя сформулировать то, чего нет.

Поэтому так невнятен и аморфен был Лимонов в течение целого часа — ему просто нечего было сказать. А признаться в том, что своим новым друзьям, всякого рода «нашим» он нужен только до тех самых пор, пока он писатель, Лимонов не в силах. На миру и смерть красна — это не для него.

Грустная встреча в «Останкине» высветила грустную перспективу писателя Лимонова. На телеэкране предстали барышня и хулиган, принц и нищий — в одном лице. И это не было лицо победителя. Это было лицо человека, начинающего, кажется, понимать, что за легкомысленные смены убеждений придется расплачиваться, что «наши» потискают его в своих грубых мужских объятиях, выставят напоказ во время очередной маевки — и выставят за дверь, когда воочию убедятся, что крупным политическим деятелем он так и не стал, а до крупного писателя стал сильно недобирать.

И если это не так, если я кругом не прав, то откуда же тогда у него этот далеко не радостный взгляд, как не от смутного предощущения жизненной и творческой опустошенности, заганности?

Меньше всего мне хотелось, чтобы предощущение это когда-нибудь сбылось. Но только самому Лимонову под силу избежать такого поворота своей судьбы.

БАРЫШНЯ И ХУЛИГАН

Послесловие к встрече с Эдуардом Лимоновым в Концертной студии «Останкино»

сносно фальшивя, он вдруг затягивает куплет про Красную Армию, что всех сильнее. Кажется, еще немного, и он бы пустился в пляс, так сильно его разгорячила реакция зала.

Милостиво соглашается прочитать что-нибудь из своих поэтических работ — а стих оказывается за гранью поэзии, но в границах графомании. Силится что-то рассказать о своем трудном детстве и тревожной молодости, а все выходит про то, как пошивал штаны, служил мажордомом и не прочь выпить.

Телевидение очень коварная штука. Оно умеет «раздеть» самого закрытого и модно «упакованного» своего персонажа. И чем вычурней и изысканней хочешь казаться персонаж, тем мельче предстает он на экране.

ка жить против всего стала его потребностью и второй натурой. Исписав отборным матом страницы своей первой книги «Это я — Эдичка!», разозлив и покоровив почтенную публику, он теперь эту же публику учит не пользоваться бранными выражениями. Пронеся через юность ненависть к режиму, сейчас он с автоматом наперевес требует его реставрации.

Он заигрался, запутался так крепко, что в иные моменты, глядя на экран, его становилось по-человечески жалко.

Жалко, да, но кто, как не он сам со своим вечным желанием говорить и делать сегодня совсем не то, что говорил и делал вчера, создал себе репутацию

лился. Триумфально начав встречу, он к ее финалу сник и поблек. Как вдруг оробевший актер, он за бодрыми своими словами не умеет скрыть внутреннее состояние своей заблудшей души.

И в этом внутреннем монологе безошибочно прочитывается его тоска, что оказался не с теми, не у тех, не на той улице. Он может себе в этом не признаваться, в том нет никакой нужды. Взгляд и жест досказывают и доказывают это.

Мне нет никакого дела до сегодняшних политических симпатий Лимонова, и судить его за то, что он водит дружбу не с теми, с кем бы мне хотелось, не стану никогда, не имею права. Но судить о том, что сейчас

еще, которое он подставил под удар своим стремлением войти в большую политику.

Но его претензии на роль политического деятеля выглядят жалкими и беспомощными. В политике он такой же графоман, как и в своей претенциозной поэзии. Он большой охотник давать советы стране советов, а страна берет и не слушает своего доброхотного советника — несносно! как пережить такое?!

Представ перед многомиллионной аудиторией в качестве несуществующей политической фигуры, он вдруг стушевался. «Оппозиция»; в лице Лимонова получившая эфирное время, причем вечно самое удобное, не смогла внятно сформулировать свою позицию.